

У нее выдающаяся иммунная система: сколько воды утiekло, сколько раз все висело на волоске, какие одолевали пароксизмы отчаяния, имена какие были поросли, а ПОНАРОВСКАЯ поет!

Ее красота, лоск и глянец — не просто красота, лоск, глянец, а куда большее: опускаем ввиду затасканности высокое слово "символ", но речь именно о нем.

— Для многих и многих вы — эталон, визуальный идеал. Попелитесь в очередной раз: как вам удается?

— Думаю, все же это очень широкий вопрос, я бы сказала, фундаментальный. Есть проблема: как на него ответить, не впад в банальность? Это тем более сложно, что точка отсчета вечная — огромный труд. Видите, как просто. Я знаю, что людям очень хочется услышать какой-нибудь чудодейственный рецепт. Но ведь это несерьезно, к чему самообман?

— Ирина, бас долго не было видно-слышно. Тусовка обсуждала вашу болезнь. Говорили, что на этот раз все очень серьезно: почки. Болтали о, простите, пресловутом кресте, который нужно поставить на вашей карьере.

— Это было многократно. На мне спешили "ставить крест" столько раз, что я научилась не обращать внимания на такие... недоразумения. — Но как вам на чисто физическом уровне удалось так скоро оправиться?

— Нельзя давать себе расслабиться, захныкать, никогда нельзя выдавать своего внутреннего состояния для людского обсуждения. Ведь мне тоже бывает плохо, иногда очень, и я не всегда бываю в форме — в такие периоды я пропадаю совершенно намеренно, я стараюсь снова, что ли, обрести себя. И вот когда я чувствую, что возродилась... Я никогда не позволяла себе появляться в виде, который не подобает мне. Марку надо держать всегда, и тут уже десятое дело: певца ты или кассирша, инженер или коммерсант...

— Легко вам, Ирина, говорить: ведь ваша стильность от рождения. Родители плюс Бог. А много суматох на свой счет примерно так: чего я буду из кэжи лезть, судьба меня обидела...

— Это есть малодушие, и ничего больше. Генетическое? Это база, и все. А дальше — труд и спорт.

— Вопрос вроде бы простенький, а на самом деле хитрый: кому, по-вашему, приходится труднее в искусстве — мужчина или... — Или, конечно!

— Ну, может, и "или", но почему — "конечно"? Феминизмом полагаетесь...

— Про страду скажу. Мужчине легче, потому что страда — это та область, которая по определению завоевывает женские сердца. По-настоящему, почему мужчина, вышедший выступать, покоряет женскую часть аудитории (а это всегда, заметьте, большая часть): он, ко всему, несет совершенно определенный сексуальный заряд...

— Но ведь и женщина несет с собой такой заряд...

— Я вообще сексуальность определяю несколько иначе, чем многие другие. Я считаю, что сексуальность — это не интимные отношения между мужчиной и женщиной, это чувственность. По-настоящему сексуальный, чувственный человек не нуждается в публичности, он имеет, куда деть свою чувственность. Он не будет свои чувства выставлять напоказ. Он может просто стоять, просто смотреть, не делая никаких таких движений, и все равно будет сексуален. Это значит, у него отбоек, мягкое, теплое сердце — вот что значит чувственность, сексуальность (мы договорились, что это синонимы). Во многих людях, которые, кажется, абсолютно никак внешне не проявляют свою сексуальность, я угадываю ее большой потенциал.

— ...В отношении, например, Богдана Титомира это суждение звучит не очень убедительно. Кстати, сейчас слышно и рядом вам как свежеспеченному тангему перебивают косточки. Что за негаданный альянс?

— А в искусстве все должно быть негадано. Мне кажется, только элемент неожиданного превращает искусство в материю, достойную интереса. Я, разумеется, выдавший вид человека, но и я не понимаю (честно!), почему люди недоумевают, когда два имени — Понаровская и Титомир — связываются воедино. Я не понимаю! Я увидела в Богдане очень интересную личность, я была на его сольных программах. Он очень славный. Да, у нас разные имиджи. Но это и хорошо! Соединить разное. Это и любопытно. Посмотрим, что из этого получится.

— То есть альянс сугубо творческий? А вообще Титомир — не тот мужчина, который мог бы вас очаровать и пленить?

— Но это уже совсем другой вопрос! Я к Титомiru отношусь так же, как ко многим нашим артистам, — с большим уважением и любовью. Но вы же понимаете: мы сойдемся в дуэте только на сцене. А то, что выдумывают от большого ума несведущие журналисты, жадные до скандала, еще более жадные до гонимых — на это внимания не обращаю, много чести будет.

— По тому можно легко догадаться, как вам насолит наш брат... В каждом интервью, которые вы, кстати, даете только узкому кругу "своих" журналистов, вы все время ругаете прессу, инкриминируя ей нечистоплотность...

— Просто надоела эта золотая брехня, это безнаказанное и разухабистое хамство! — Что имеем, Ирина?

— Да Господи, в именах ли дело? Их, таких писак, столько — разве я могу запомнить фамилии? Я уже сказала о сути своей претензии. Сейчас считается, что даже отрицательное служило рекламой. Я против, я против категорически! Я считаю, что я всех этих павлиев в газетах не заслуживаю.

— До Титомира был Павлашвили...

— Стоп! Я на эту тему говорить не буду: было столько неправды, столько грязи, что получается, будто я оправдываюсь. А я чиста!

— После концерса "Ступень к Парнасу", где был бывший спарринг-партнер бязя Гран-При, помнитесь, в ответ на злоречивую публикацию одной из газет, намекавшую на мафиозное "приращение" победы, вы не ограничили себя недовольством, а... были какие-то поползновения постоить за себя в суде?

— Нет, до суда тогда не дошло, но только по причине безразличия — ну, вы понимаете... Хотя я отдаю себе отчет, что от этого зло только становится безнаказаннее.

— Но согласитесь: иногда случается так, что артист обижается на небестыжее. Может, у подавляющего большинства наших "мастеров сцены" не все в порядке с самооценкой и чувством юмора?

— Я спорить не буду. Я говорю о себе. О моем случае. Я могу повторить, что всегда заботилась о чистом имени, и я не позволяю журналистам бросать на это имя тень.

— Ирина, известно ли вам, что многим журналистам вы представлялись человеком заносчивым и жестким?

— Что вы имеете в виду? Если такую глупость, как звездная болезнь, этого не было и нет. Но есть достоинство! И когда мне что-то такое говорят на мой же счет, я убеждаюсь, что у нас очень многие достоинство путают с заносчивостью. Я умею за себя постоять, я умею, если надо, осадить. Малоизвестному человеку мне, Понаровской, нельзя, лукаво подмигнув, сказать: "Ирка, мать родная!" Я моментально поставлю на место.

— Ирина, ну а что вы скажете относительно разговоров о вашей неуживчивости? Ведь в этом случае у критиков ваших есть аргумент — сами знаете, какой...

— Это очень интимный вопрос, и меня удивляет, почему с такой легкостью вы...

— Мы готовы извиниться, если что не так, но нам хочется услышать ваше мнение, Ирина, по поводу: возможны ли вообще семейные отношения в артистической среде?

— В любом мире, дорогие мои, в любом мире абсолютно могут быть такие отношения. Все зависит от человека. Наш артистический мир — если говорить о нем — очень жестокий, он неправильно воспитывает, и когда человек с младых ногтей на этом пути, он особенно беззащитен... Тем не менее есть прекрасные примеры благополучных пар в нашей среде, и я называю их: Роксана Бабаия и Михаил Державин, Наташа Королева и Игорь Николаев (на момент, когда происходила беседа, "дельфин и русалка" еще были вместе. — Ред.), дуэт "Академия". Они прекрасно уживаются и в жизни, и на сцене, почему нет? Они друг друга нашли, им хорошо вместе — это и есть счастье. Я бесконечно рада за них.

— Но лично у вас семьи в общепринятом смысле нет, не так ли?

— В общепринятом — нет. Но не могу сказать, что в личной жизни я неудачливый человек. У меня были незабываемые периоды в жизни... Понимаете, артист — существо особенное, очень трудно ему обрести размеренность и стабильность, артист живет импульсами, а это почти исключает возможность... хотя об исключениях я говорила.

— И все же: семейная жизнь или одиночество. Что бы вы предпочли?

— Ну... Конечно, семью! Приходить "домой и первой включать свет — это, знаете... Но я убежденный идеалист, я думаю, что у меня еще будет любовь, я найду и меня найду.

— Ирина, а может, вы слишком требовательны к любимому человеку?

— Может быть. Мужчине обязан быть по определению умным, добрым и сильным, конечно. А такого я не встретила. Пока.

— Скажите, а были в вашей жизни случаи, когда вам, грубо говоря, за постель обещали златые горы?

— Ну знаете... Раскрывать свои тайны, чисто женские, кто когда ко мне подходил и с какими предложениями, мне бы не хотелось... Но я же вам сказала, что свой путь прошла честно. Я перед Богом могу повторить, что никогда своей женской частью я не жертвовала, чтобы пробыть. Ну там ради звездности, ради карьеры — вы же об этом спрашивали? Я никого не собираюсь учить, осуждать, я просто говорю как есть. Я воспитана в строгих правилах. И мое реноме, мое чистое и непорочное имя мне очень важно.

— А не легче было бы, скажем, пойти на компромисс и заделаться "приборной" певицей?

— Никогда! — А что, вам и такие предложения делались?

— Со стороны властей предрекших — нет. Я думаю, причина в том, что они чувствовали мою внутреннюю свободу, ненавидели меня за это, но ничего поделать не могли. Я свободный от природы человек — как в жизни, так и в творчестве. Со своими понятиями, включая нравственные. Я неподатливый человек, если иметь в виду... сами знаете что.

— Вас никогда не подмывало выгодно "сбегать замуж", как это делается с размахом сейчас? Когда любовь заменяется мужиком из категории "толкуч" и обилием гензнаков.

— Нет, это не для меня.

— Риторический вопрос: почему?

— Понимаете, это даже как-то неловко объяснять: такие прописи... Я живу сердцем, а не умом, рассудком. Значит, исключается и замужество по расчету. Мне повезло в жизни: я рождена такой, что умею радоваться любви мелочи, умею довольствоваться малым. Поэтому я не очень-то тоскую по несбывшемуся: то, что я имею — в первую очередь, ребенка, — искупает все.

— Можно ли вас назвать человеком богатым?

— Можно назвать человеком среднего достатка.

У меня однокомнатная квартира, денег в обрез, но их столько, сколько мне требуется для безбедной жизни, для содержания ребенка. Этих средств недостаточно для того, чтобы шиковать и развешивать по белу свету.

Я, скажем так, не самый лакомый кусочек для тех, кто любит поживиться за чужой счет. Вдобавок ко всему теперь, когда кругом криминальный кошмар, я стараюсь не особо блистать украшениями... которые у меня есть, немного, но есть, доставшиеся по наследству.

— Мы недавно прочли, что вы очень охочи до авто, меняете машины, как наряды...

Понаровская Ирина

Воск. правда. - 1994 - 12 февр - с. 3
12.02.94

ААММА

— Ну, если написано, значит... ну, а если серьезно, вы же понимаете...
— А что, многие наши "звездочки" содержат целые автопарки, — почему бы не победить?
— Я не "звездочка".
— Проще. Но все в один голос говорят: она — это про бас — могла столько "накопить"!

— Зато стабильная, ровная. А "бешеной" мне и не надо. У меня всегда была красивая, умная публика. И эта публика знает, каков мой потенциал.

— Каков же он?

— А вы наблюдайте за мной — увидите.

— А правда ли, что А л л а Б о —

все, кому была дана, — они исчезли.
— Конечно, "мы сами знаем", но давайте с именами, Ирина...
— А давайте без имен: каждому придет на ум свое имя, благо их legion, таких мотыльков, было и есть...

В те времена приходилось пробиваться с неминуемым трудом, и я должна вам сказать, что я пробивалась в одиночку, во-первых, а во-вторых, для меня важно еще раз подчеркнуть: я пробивалась честным путем. Если вы задумывались когда-нибудь откуда в моей биографии певческой такие огромные временные провалы, когда меня не было на поверхности вообще, когда я просто исчезала... Это было связано со многими вещами... А сейчас что? Сейчас проще (хотя, как я уже сказала, интересней). И — сложнее. С репертуаром.

— Неужто только с этим?

— Это первая трудность. Я имею право так пристрастно говорить, потому что у меня все-таки классическое образование, я пришла на сцену с багажом, у меня в активе консерватория, и я могу "пожаловаться": раньше писались большие красивые мелодии.

А сегодня, когда, казалось бы, нет проблем, из-за которых было много страданий прежде, — проблем технических... сейчас можно сделать крутую аранжировку, но куда денешься от факта, что красивой мелодики почти не стало?

— Ирина, говорят, вы окончательно забыли, что такое пение вживую?

— Это неправда. Потому что, во-первых, мои московские поклонники видят меня преимущественно на телевизионных съемках, где естественным образом не мне одной, но всем надо петь под фонограмму. Что до

— А есть ли объективное объяснение, почему вы давненько не делали свою большую сольную программу в столице? (Беседа проходила до салютов в Театре под куполом). — Ред.)

— Она, эта причина, — на поверхности. Деньги. Все очень дорого, а у меня таких денег нет. Надеюсь, вы поняли, что я не люблю ходить с протянутой рукой, я не могу искать спонсоров. Самостоятельно сделать? Я думаю, ни один артист сегодня это не потянет.

— Да уж, деньги — начало начал, все в них упирается... Скажите, Ирина, а случались у вас с наиболее близкими людьми раздоры из-за денег?

— Раздоры из-за денег? Никогда! Мы, артисты, должны получать достаточное количество денег для того, чтобы быть артистом. Думаю, что мне все на блюдечке с голубой каемочкой подают. Неправда. За все мы платим сами, начиная с фонограмм и кончая гардеробом. Артист в идеале привилегированный человек, во всяком случае, так должно быть.

Вот женщины смотрят и говорят: "Я хочу одеться, как...!" — и называют имя. Значит, на нас равняются. Значит, мы должны иметь то, чего не имеет народ. Мы должны удивлять, шокировать, поражать, раздражать, мы должны быть законодателями — всего. И стиля жизни, и гардероба.

...Он, артист, не должен ездить в метко, он должен иметь свою машину.

— Даже судя по облику нашему, можно догадаться, что вы — человек аполитичный.

— В политике я не хочу ни разбираться, ни тем более принимать в ней участие. Я не знаю, не понимаю, не умею. Я считаю, что политика — удел мужчин. Хотя, конечно, я в курсе многих событий, я не могу об этом не думать, я дико переживаю, ведь от этого не изолируешься! Но лезть туда, нет, я не для этих "рядов".

— Тут недавно выборы проглотели. Вашу коллегу показали себя людям خیلی шибко "избирательными" в политическом отношении. Мы и не думали, что у нас столько артистов, сменяемых мигренью по причине болезни политики.

— Я понимаю, о чем вы, но буду говорить только за себя, ладно? Я просто хочу хорошей жизни и не знаю, какая партия может это дать. Мне, моей маме, моему сыну. Другим.

— Говорят, вы равнодушны к телевидению?

— Это неправда. Потому что, во-первых, мои московские поклонники видят меня преимущественно на телевизионных съемках, где естественным образом не мне одной, но всем надо петь под фонограмму. Что до

— Ирина, мы догадываемся, почему у вас до сих пор нет звания, а вы?

— Я никогда не придавала званию большого значения. Я знаю, что некоторые, даже многие добродетельные сейчас ходатайствуют, но... Господи, нужно ли это мне, вот вопрос. Дадут, сподобят — спасибо. Нет — звание не помешает мне петь (вернее, его отсутствие).

— Однажды вы сказали, что, выбирая новую песню, вы отгадываете предпочтение смысловой нагрузке. Что "петь просто про цветы желтые, цветы красные, кораблик плывающий" не можете и не будете.

— Это правда.

— Но в свете последних ваших песен об этом, наверное, лучше не упоминать?

— Ну, я не согласна. Бывают песни похуже, но я всегда стремлюсь к тому, чтобы в каждом номере была драматургическая завязка. Из этого я исхожу.

— Вы человек общественный?

— Если вы имеете в виду, люблю ли я светские вечеринки, могу сказать определенно: нет. Это связано только с работой. Отработав и получив деньги, я уезжаю, потому что гулять не умею и не люблю.

— Опята полно, могли бы вы уже сегодня выступить в качестве учителя, мэтра?

— Вообще мне кажется, что решать судьбы — это жребий Господа, и я никогда за такое не возьмусь. Что до менторства, вы знаете, я, конечно, уже многое могу подсказать начинающим, но, если честно, никакого изменения в отношениях с той порой, как я впервые вышла на сцену, во мне не произошло: я так же, как дебютанты, радуюсь успеху и плачу, когда ошибаюсь.

— Ирина, подумываете ли вы о том, чтобы "уйти" со сцены?

— Бывает, конечно, что думаешь об этом. Но в этом смысле я спокойна: у меня очень жесткий самонализ, и обольщаться я не буду, темить себя иллюзиями. Слишком дорожу своим именем, чтобы позволить себе не почувствовать необходимости уйти.

— Ирина, вы говорили на тему "годы на сцене". Пафосно выражаясь, с высоты этих лет скажите, пожалуйста, каково ваше мнение по поводу вечной антитезы "тогда и сейчас"?

— В таких сравнениях всегда есть что-то несправедливое... Я осторожно высказываюсь: сейчас просто интересней. Потому что нет табу, многое позволено, да практически не многое, а все. Каждый волен выражать себя, как хочет, никаких ограничений! И тут-то самая жестокая, но самая справедливая проверка — кто есть кто.

Но и прежде были свои прелести. Нас было немного, каждый имел свой вес и место... Хотя про себя, наверное, я не имею права так говорить, потому что именно тогда я сама и сформировалась, росла. (Что продолжая и сегодня делать, я надеюсь.)

— Нам кажется, что сегодня главное и чуть ли не единственное определяющее в эстраде — деньги. Это правило. Поэтому, пожалуйста, если захотите опровергнуть, не забывайте об исключениях как о норме...

— Думаю все-таки, что вы заблуждаетесь. Немножко. И тогда, и сейчас определяющим является талант. Что деньги? Их можно вложить в человека, сделать большую рекламу, выпустить

пластинки, можно снять о нем кино... Но вы ведь сами знаете: многим была дана возможность и почти